

Валентина Силантьева

Денис

Из цикла «Наши мужчины»

Он умел бегать на коньках по обледенелым буграм-надолбам в узком ерике. И не падал. А если падал, то вставал. Шапка отлетала в сторону. Глаза и рот забивало ледовой струганиной, с рук слетали вязёнки-рукавицы, куртка, которую тут называли куртейкой, превращалась в грязную хламину. Но он вставал. И выползал из ерика на Белгородский – этот канал был широк и просторен. Хотя тоже в надолбах.

Это было его детство. Где-то на юге. В небольшом городе-посаде. На берегу привольного Дуная, который в своем дельтовом распадке поражал грозной мощью непокоренного зверя. Эта сила привлекала и заставляла поступать по-мужски. Об этом он помнил всегда, потому что Дунай шагнул из детства Дениса в его взрослую жизнь.

* * *

В пять утра зажужжал будильник-телефон, и тут же стукнул в дверь сменный вахтенный. «Подъем!» – сказал себе Денис. Как всегда, качало. Длинной набегающей волной. Интервал «вниз-вверх» мог растянуться на две и даже три минуты. Огромный фрахт-перевозчик, груженный тяжелыми контейнерами, похожими на разноцветные коробки, нырял в пучину, потом, отфыркиваясь, медленно выбирался наверх. В летящих брызгах и в кипящей пене, которая скатывалась с боков. Отмытые бока и надстройки всегда блестели. Но сердцем и центром этой махины все-таки оставалось его родное машинное отделение. Второй помощник механика – рука всегда на пульте и на пульсе. Чуть не так – и берегов не видать. Ни своих, ни чужих. А берег в его жизни уже давно стал фата-морганой.

Надеждой и горизонтом, к которому прокладывали свой траверс чайки. Увидишь ее – белокрылую, мелькающую черным проблеском наряда, орлиным оком и грозным клювом, и радуешься – берег все-таки есть. И он близко. Всё. Пора в машинное брюхо контейнеровоза. С вечным грохотом и шумом, с непременными наушниками-глушилками как дополнение к партикулярному платью механика, а попросту комбинезону. Пора. Туда – в город-обиталище со множеством лестниц-переходов-перепрыгов, турбинами, цилиндрами, редукторами и сепараторами очистки. Пора.

* * *

Денис учился в Институте холодильной промышленности, его называли «холодильником». Вуз славился инженерными умами и преподавательскими кадрами. Специалисты – нарасхват, причем по всей необъятной стране. А если рекомендовали поучиться в аспирантуре, это воспринималось как особое отличие и божественное предначертание. Ему предложили, и он бросился за советом к родным. Тянулись девяностые, если просветы в бесхлебье-беззарплатье и бывали, то горизонты оставались все равно серыми. Мать и отец, боясь ранить лишним словом, прятали глаза. Но тетушка, когда-то окончившая университет с красным дипломом, сказала строго и наотмашь: «Твой научный руководитель, которого я встретила с тобой три года назад и вчера, ходит все в тех же брюках. Уверена – они у него одни. Ты молод. Время – сам видишь. А будет семья?». Тетушка была старшей, мама как младшая согласно кивнула головой. Отец продолжал смотреть в окно. Уже приличный срок он был безработным инженером. Пособиями страна не баловала. Кулаки оттягивали карманы брюк. Этим брюкам больше подходило имя штаны.

Семья вскоре переехала к бабушке все в тот же город-посад, в котором кормильцем был Дунай, а земли, сдобренные навозным илом, давали сказочный урожай клубники, винограда и разных овощей-фруктов. Только долгие годы потом помнилось Денису сказанное совсем уже старенькой «Ба-Катей»: «Если б ты знал, как страшно совсем без денег: проснешься, а где взять на буханку хлеба и отцу на самые бросовые сигарки?».

Вопрос об аспирантуре отпал. Денис работал и снова учился. Пошел в среднюю мореходку – была надежда попасть на торговые суда или перевозчики; в Одессе всегда знали: там можно заработать. Учась, старался заработать себе на прокорм и все те же «цигарки» для отца. В основном на погрузке-выгрузке. В порту, на Привозе, на барахолке, именуемой «Седьмой километр». Здесь была своя конкурентная борьба и свои правила: синяки, ссадины и хорошо «отрихтованные» ребра становились привычным сопровождением жизни. А еще – прерывистый сон на задней парте в холодной и плохо освещенной аудитории. Тупая усталость гасила голод – тогда Денис был строен, поджар и отчаянно голубоглаз.

* * *

– А вы не могли бы набрать мне воду в бювете?

Денис очнулся и открыл глаза. Он сидел на скамейке в неприбранном сквере, а перед ним стояла невысокая блондинка с пластиковой бутылкой почти до колен. Считалось, что из скважины идет вода почище, и сюда с разногабаритными емкостями стекались «пионеры и пенсионеры» – взрослое население носилось по городу в поисках бросовой работы либо понуро «из ничего» готовило обед. Девчонка была студенческого возраста и с голубоватым личиком. Денис встал, подхватил бутылку и пошел к бювету.

– А вы читали Брэдбери?

Он тут же, как из мешков с одуванчиками, высыпал к ее ногам аллюзии двенадцатилетнего Дугласа, рожденного Рэем Брэдбери. Потому что «Вино из одуванчиков», казалось Денису, всегда кружило ему голову – в нем бродило-пузырилось и его детство.

– Значит, мне стоит все-таки взять эту книжку и заставить брата прочесть?

– Где брать будете?

– У соседа, у него стеллаж забит, и он предложил. Чтоб Мишка не болтался.

– С кем болтается?

– С бомжеватыми и кудлатыми. Кучкуются. Чего-то покуривают. Потому и страшно.

Они шли вниз к домам Ближней Молдаванки. Денис – тяжело-возом, с полной бутылью, провисающей на хлипкой пластмассовой «держалке». Она – то поотстав, то забегая вперед – налегке. Она щебетала, и в этих возгласах и стрекотанье переливались-переплетались звуки «юности мятежной» и тревоги сегодняшнего дня. Полуголодного, нереально пустынного даже под теплым весенним солнцем. Потому что растерянность и неухоженность стали сопровождением жизни. Потому что «в цветущих акациях город» перестал расцвечивать душу. Остатками сил хотелось помочь и ей, и непутевому брату Мишке.

* * *

В первый раз услышав ее имя – Анжела, Денис вздрогнул: Анжелику – заморскую маркизу «ангелов», вскружившую голову теткам мещанкам в варианте роскошной экранизации, он давно воспринимал как яркую «пошлость пошлого времени». Дескать, если нет настоящих ценностей, предлагают раскидистую клюкву. Тогда он пенял советскому времени, теперь, в квазиперестроечном, должен был отреагировать на Анжелу родом из одесской Молдаванки. Отреагировал – они начали встречаться.

Весна брала свое, и они сначала освоили замысловатую вязь переулков Молдаванки, потом загогулины Слободки. Здесь царили свои разгуляй-законы, и на Дениса оглядывались с подозрением – чужак. Целовались в запущенном парке городской, бывшей областной, постройки XIX века больницы. В зарастающие травой-муравой узкие дворы старались не входить – собаки дворняги отработывали свой хлеб сурово. Потом переместились в центр, и начитанный Денис взахлеб рассказывал о личности и подвигах графа Воронцова, давно возведенного на высокий пьедестал. Кивал на его канцелярию, в которой когда-то мучился и как бы служил Пушкин. Упомянул и о том, как пытались переименовать Дерибасовскую в улицу Лассалья и что из этого вышло.

– А кто этот Лассаль? – спросила она.

Ничему не удивляясь (Анжела все-таки заканчивала нархоз), Денис жарко повествовал о политическом немецком гении, о его преданности марксизму, и в этом рассказе радикальные настрое-

ния давно отошедшего Фердинанда восхищали, а не отпугивали. В гастрономе на углу Гаванной они покупали бублики, густо посыпанные маком, и кока-колу в небольших емкостях – бумажными стаканчиками тогда не баловали даже в центре.

В сентябре они женились и венчались в бабушкином городе-посаде. Целовали икону старинного письма и руки родителям. Полгорода местного люда, замученного великими перестроечными новшествами, внимали действию с восхищением и с радостью. Платье было белым, фата длинной, Денис счастливым.

В Одессе родители выделили им комнатку, похожую на пенал. Заставленную какими-то вещами и чуть сыроватую. За поздними обедами разговор неизменно переходил на «рейсы и фрахты», и Денис, понимая, чего от него ждут, всеми силами и средствами старался «сесть на корабль». Сел. Отплыл. А потом уходил в далекие моря – чужие океаны еще несколько раз.

Приход из рейса обязательно сопровождался ритуалом «торжественной встречи». Теперь суда не подходили к их родному пирсу, и никто не бросал канат-чалку поближе к кнехту: в мутном потоке постперестроечных времен город утратил свой флот. А по найму – о, это был совсем другой компот. Швартовались в каком-то чужом и далеком порту, а домой добирались самолетом-поездом-автобусом. Конечно, в финальном пункте их дожидались жены, и Денис очень скоро отметил аляповатый раскрас жадно глазающей женской толпы. Тетки были какими-то одинаковыми, в тяжелом макияже и с фальшиво оживленными лицами. Чего они так жаждали? Впрочем, не заморских же рассказов, конечно. Даже в варианте его Анжелы. Да и что видел Денис – в основном океанскую волну из иллюминаторов. А о работе в машинном отделении не расскажешь, она интересна только профессионалу.

* * *

Они сидели на диване все в той же узкопенальной комнатке, и, размягченный близостью жены, Денис показывал загнанные в ноутбук фотографии своего машинного зала, и, с жаром повествуя о том, как они «своей командой» растят на лестничных переходах в машинном их царстве «цветочный рай», повторял:

– И представляешь, почти все растения выжили... И это в постоянном шуме и трясучке...

Она перебила:

– А когда мы купим машину?

Он, еще поглощенный машинным залом контейнеровоза:

– Какую?

Посыпались марки известных автобрендов:

– Honda, Hummer, Bentley, Mercedes-Benz...

Он попытался отшутиться:

– А может, Lincoln или Lexus? А еще лучше – «Ладу», «Москвич», уже антикварный «Запорожец»?

Она обиделась:

– У всех «морячек» есть, причем «иноземцы» и индивидуального пользования...

Он, все еще стараясь сделать разговор насмешливо-шутливым:

– Представляешь, Mercedes-Benz – на наших горбатых дорогах и особенно в нашем цыганском дворе, разукрашенном «визитными карточками» собак и пьяниц?

Она:

– Ну и будешь еще лет десять таскать воду из бьювета – вся от тебя и польза.

– Анжела, но я ведь никогда не сию сложа руки, посмотри, сколько сделано по дому...

Она:

– Тоже мне, хоромы...

Денис не выдержал:

– А сказку о рыбаке и рыбке ты не забыла?

Потом она как бы сердилась, а он сидел над шахматной доской – в дальних своих вояжах научился играть сам с собой. Ей, думал, Денис, наверное, скучно без работы (сказала, что устала считать чужие доходы в их бухгалтерском эквиваленте). Дети пока не получались и не родились...

А еще он мучился всяческими формулами и физико-математическими выкладками, которые рвались в голову во сне и не отпустили въяве. Как будто шел коридорами родного института, кем-то давно названного «холодильником». Сидел-ковырялся в «лабе» – в обшарпанном пространстве, заполненном делом и жаркими спо-

рами. И все об экономэнетгетике, которой принадлежит будущее. И все о криогенике и низкотемпературных режимах, способных так изменить свойства веществ, что и сам диву даешься. А еще он много читал и этим раздражал тестя: «Что ж ты задержался в детственности, книжки хороши в молодые годы, а тебе уже тридцатник...».

С Анжелой они разошлись как-то неожиданно и споро. Придя из очередного рейса, он вдруг обнаружил на банковском счету малую толику заработанного. Очень малую. Удивился, спросил жену, которой исправно переводил на карточку одну треть. И вдруг услышал:

– А сколько же мне ждать тебя, флегму? Да, договорилась где надо. Перевели с твоей карты на мою. У нас, как понимаешь, многое можно. Хоть машину куплю.

– А что дальше? – успел спросить он.

– Машина будет, муж найдется. И в новый дом возьмет, не все же в отцовском жилье прозябать, тебя дожидаясь. Миша вырос, пусть теперь он здесь живет.

Личико у нее заострилось и стало крысиным. Вдруг показалось, что длинный голый хвост, свернув его кренделем и украсив бантиком, она прячет под юбчонкой. Ей исполнилось двадцать восемь, и она спешила жить «красиво». Побросав в сумку трусы-майки, Денис отправился на автовокзал. Приехав к «Ба-Кате», услышал: «Ой, Господи, неужто мы ее чем-то обидели, ты спроси, Дениска...».

* * *

На этот раз они шли в Японию. Через три моря и два океана. Шли долго, и сердце наконец предпочло успокоиться. А мозг – приоровиться. В общем, Денис втягивался в размеренный быт obsługi контейнеровоза, постепенно становясь его болванкой-шестерней. Автоматически после каждой смены засовывал свой комбинезон в стиральную машину и доставал из шкафа его собрата – такой же синий, но выстиранный-просушенный. Ел. Был всегда наготове, потому что вызвать в здешнее «чрево Парижа» могли в любое время. Оказавшись в своей каюте, «игрался» ноутбуком и раздумчиво смотрел на две стопки книг: техническую по специальности и художественную, прихваченную для отвлечения. На этот раз преимущественно пользовались книги о Японии. Справочные и очерково-художественные.

Йокогама. Осака. Кобе как один из самых крупных портов, в котором располагаются большие контейнерные терминалы. Хотелось в Осаку. Во-первых, потому что этим именем украшено множество кафешек в его родном городе; а во-вторых, в Осаке швартуются «пассажиры», и на одном из многоярусных красавцев он рассчитывал встретиться с товарищем.

Швартовку в грузовом терминале Кобе им разрешили утром. В акваторию порта входили с рассветом, и Денису пришлось это увидеть и замереть. Циклопический (или космо-модерный?), какой-то сверхсовременный пейзаж-конструкция, бесконечно сочетающий башни, плоскости и вертикали с горизонталями, при восходящем солнце и в Стране восходящего солнца поражал и восхищал. Денискин ум, так и не отбросив премудрости точных наук, из общего хора неземной технически совершенной гармонии выхватил ажурную красную башню Шухова и какую-то горизонтально-сетчатую конструкцию, похожую на сдвоенный вентерь – так в его придунайских краях называли ячеистую сеть-ловушку на обручах. Отмыв от ила, вентеря вертикально подвешивали на специальный трос или канат, и они очень напоминали ажурные башни. Как Шаболовская телевышка, которую он с восхищением разглядывал на многочисленных фотовыставках, а потом въяве увидел в Москве. Вот этот гиперболоид-конструкция Владимира Шухова, наделав когда-то в мире много шума, теперь поселился и в порту Кобе. Щелкнув пальцем, направленным в небо, вышка разгладила душу: восхитившись японцами, можно было гордиться и русскими.

Повторив про себя где-то вычитанное «темнота обнажает одиночество», как только стало возможным, Денис ушел «просвещать» Солнечным днем и культурой неизвестной страны. И были в его первом японском путешествии и замок Белой Цапли, и рукотворный остров Порт-Айленд, и мост Акаси-Кайкё. Обиженная душа оживала, в ней теплились и подавали голос обрывки слов о вечном. О том, например, что большой труд во имя большой цели возвращает ей покой и красоту мироздания. Показались понятными трудолюбие японцев и тяга их к созерцанию. Сад камней напомнил о себе, а ветка сакуры потянулась к нему из неведомой дали. Всплыли и начали толпиться «оборвыши» уже узнанного:

– Там бог Идзанаги вонзил копьё в морскую пучину. Затем он выдернул обратно свое богатырское оружие. А с копья упала вереница капель, образовав изогнутую цепь островов. Так родилась Япония.

– Эти капли еще не остыли, и японцам приходится жить в стране вулканов, как на вздрагивающей спине Дракона, которого они не ругают, а почитают.

– Это отец, он только что «проглотил» «Ветку сакуры» – книгу журналиста-востоковеда, специалиста по Японии и Китаю Всеволода Овчинникова. В последние годы ушедшего века его страна была «очень читающей».

– Они обожествляют свою Фудзияму и сравнивают вид и контур этой горы с благородством, которым Бог наделяет только совершенное природное явление и в особых случаях может наградить человека.

Об этом Денис прочел сам в интернет-статье. Хоть и споткнулся о контрастный абзац:

– Кто ни разу в жизни не поднимался на вершину Фудзи, тот дурак. Но кто вздумал сделать это дважды, тот дважды дурак...

Ему хотелось спросить и узнать – но почему, почему же так?

* * *

В тот раз душа, размягченная японским чудом в конкретном порту Кобе, заставила его понять: совершенство (благородство) предлагается один раз. Это своего рода «проба», и если кто-то попросит чуда дважды (а то и трижды), значит, он глух к нему, а попросту – дурак. И останется в этом состоянии уже навсегда.

Тогда, в Кобе, вернувшись к себе на борт, он побоялся поделиться с ребятами своим настроением. Да и чем было делиться, сказкой о посветлевшей душе? А кто признается, что у него она черным-черна? В общем, он предпочел слушать разговоры в общей столовой.

– Слышь, хотел посмотреть на них – то-се, кимоно, гейша, майоко...

– Ну, и?

– А увидел их косплей.

– Это как?

– А ходят девчонки в каких-то мультяшных костюмах, придурковатые и нереальные. Поглядишь на них – и в гейшу перестанешь верить...

– А я японок-блондинок повидал. Как наши модницы-цыганки на Слободке. Окрас – беги-не-спотыкайся.

– Да ладно, ребята, это их JSF – Japanese Street Fashion. В общем, street-гламур и Хараюку. Наши одесские полуподвальные дивы этим пробавляются тоже.

– Так не подвалов же хотелось...

– А до гейши не дорос. О чем беседовать с ней будешь, о тряпках-школе, которую везешь в Одессу?

– Не, теперь ходовой товар игрушки – робот Zeno да японки-пупсы в кружевном белье. А еще ниндзя.

– А я, ребята, купил их керамические куклы «колокольчик-перезвон». Над лобовым стеклом вешают. В дорогих машинах. Экзотика.

– И много взял?

– Прилично.

Дениса от этого что называется «штормило и тошнило». Хотелось выкрикнуть: «В глаз бы дать кому, что ли?» – но делать этого не стоило. Так можно и перекусаться. А до первой черноморской чайки – ого-го... Он поднял уже отяжелевшее чрево и пошел к себе. Размышляя попутно о том, что нужно всерьез заняться зарядкой.

* * *

В бабушкином доме тоже любили вишню, и вишневые деревья с побеленными известью ножками-стволиками густо толпились в ее дворе на берегу весной полноводного Белгородского канала. Запах быстротекущей воды и цветущее облако вишневого наряда – его лучшее воспоминание о детстве. Того – на берегах большой реки, больших и малых ериков и проток. С пчелами и стрекозами, с ласточками на обвисающих проводах, с усталыми «рыбалками», пригонявшими лодки на общий городской причал. Путь к причалу лежал как раз мимо их дома, и стеклянные шары-поплавки, свисающие с бортов смоленной лодки, многие годы будоражили память.

Теперь загнанный в угол, живущий в не-своем деле и времени, Денис стремился поймать хоть какую-то точку опоры. Потому что иначе – никак. Об этом когда-то говорил дед, по этому принципу отмеряли свой путь мать и отец. Пока опоры не выбили

из-под ног. Да так, что и всей стране хватило. Отец «застаканился». Мать худела-чернела. Бабушка смотрела в мир потерянно: «Что ж такое, Дениска, не война же». Он, Денис, честно сопротивлялся. Сначала учился там, где хотел. Потом, стиснув зубы, дрался с портовым людом, упорно таскал мешки в пол собственного веса и снова учился. Чтоб отцу на сигарки. Чтоб «Ба-Катя» не боялась проснуться и подумать о хлебе. Вернее, о его фатальном отсутствии. Даже семью постарался создать-укрепить. Ну, и где Фудзияма? Ах, японцы... О красоте-гармонии печетесь? От нечего делать косплеем пробавляетесь?

Трудяга грузовоз-перевозчик утюжил море. Нырял, с шумом-грохотом отфыркивался и снова шел. Малое пространство каюты будило зверей и рассаживало их по углам. Самый большой грыз изнутри. Денис бросался на койку и снова вставал. Потом, обессиленный, лежал плашмя. Вязко-ползучее «как?» и «почему?» не отпускало.

Добровольное затворничество и контур волны «вверх-вниз» должны были стать его жизнью. Простой и постоянной, предполагающей труд как долг, необходимость, радость. И память подсовывала примеры. Все по тому же принципу «вспоминай/выбирай».

На дальнем берегу его детства люд, хорошо знавший, как тонут обветренные-просмоленные рыбаки в «перебойной» волне дельты, никогда не жаловались и не бросали промысел. После очередного несчастья искали утопленников, закидывая крупноячеистые сети-оханы и крюки-самоловы, которыми промышляли осетровых. Находили – синюшных и оплывших, не похожих на тех, с кем, надрываясь, тянули сеть на воде и балагурили на берегу. Они стояли у открытых могил молча, а после тризны снова отправлялись на лов. И умели радоваться. И любили детей. Если не спивались – такой труд делал обязательным каждодневный стакан крепкого вина. И не один.

В совсем недавнем марте у японцев «рвануло» Фукусиму. И пошло-понеслось, как и в Чернобыле. Многократное превышение радиоактивного фона; сотни тысяч спешно эвакуированных; «тяжела вода»; навсегда испорченные земли; попытки скрыть высокий уровень радиации. И констатация факта: в будущем количество онкобольных возрастет, а в группе риска окажутся те, кому будет двадцать и чуть больше/меньше лет. И уже вылупились из яиц

голубянки с глазами, похожими на странные вмятины. И уже приплыли к берегам Орегона радионуклидные рыбные особи. Но что запомнилось? Техногенная катастрофа? Нет, к ней привыкли, как когда-то свыкались с чумой и холерой. Мир услышал другое: японские мужчины, которым исполнилось «за пятьдесят», предложили отправить их, а не молодых, на расчистку загрязненной радиацией территории.

Может, и вправду от всех бед спасает принятое поклонение труду и красоте? Например, совершенному контуру и снежному убранству, по большому счету, невысокой горы Фудзи? Цветущему деревцу вишни? А ведь и в их японской практике было свое убасуте – это когда от «лишнего рта» избавляются, унося стариков в горы и обрекая их на смерть. В общем, говорил себе Денис, нужно жить и, как утверждал родной классик, «выполнять свои обязанности».

Варя увидела его нечаянно. Когда, приехав в родные края, в сумерках брела вдоль Дуная. Денис – уже большой и плотный – сидел за столиком кафе у речной пристани. Медлительно и серо ползло постперестроечное время. К прежде шумному берегу только изредка пришвартовывалась корабельная мелочь, отвозившая рабочих на дальние острова. Но плакучими ивами обсаженный берег, но цветник, взлелеянный хозяйкой кафе, и белые стулья-столики все-таки привлекали тех, кто каким-то способом еще зарабатывал.

Он сидел не один и, нагнувшись, «целовал даме руки». Варя успела перехватить только торжествующий взгляд повернутого к ней женского лица. Она знала Дениса давно, и ей хотелось заговорить с ним. Не посмела. Прошла мимо. И знала ведь, знала, что когда-то услышит дежурную реплику счастливой «морячки»: «Следующий рейс – на машину». Услышит и подумает: «Ох, лучше бы штаны, залоснившиеся от долгих бдений в разоренной «лабе».

